

Густой туман клубился во мгле, завывал зловеющий ветерок.

Безлиственные цветы то появлялись, то исчезали в темноте — багровые соцветия казались запекшейся кровью.

— Я не смирюсь, не смирюсь!

На середине Дороги Желтых Источников Цин Мянь услышала, как шедшая с ней рядом женщина с жгучей ненавистью процедила эти слова.

Цин Мянь ничего не ответила.

Шедшая впереди старуха обернулась и мягко произвела:

— Уважаемая, раз уж нам сегодня по пути к Мосту Найхэ, значит, мы связаны судьбой. Старуха осмелится дать тебе совет: раз Владыка Янь вынес решение, что мы чисты от грехов и можем ступить на путь Реинкарнации, позволь долгам этой жизни рассеяться, как дым.

Когда после смерти души проходят Заставу Призрачных Врат, еще можно различить, кто из них мужчина или женщина, старик или ребенок, высок или низкоросл, полон или худ, а также выражение их лиц — печальное или радостное. Однако по внешнему виду уже нельзя сказать, погибли ли они от насильственной смерти.

Лишь золотые шпильки, нефритовые подвески и прочие предметы, служившие пропусками между мирами Инь и Ян, временно оставались привязанными к их душам.

Увещевавшая старуха выглядела безмятежно, ее украшали нефритовая шпилька и золотые кольца — с первого взгляда в ней угадывалась избалованная достатком и заботой патриархальная бабушка из знатного семейства.

Женщина же, кричавшая на все лады о своем несогласии, погибла от совместного заговора зятя и служанки, и на ее лице запечатлелось нерастраченное ожесточение.

— Подумать только, — насмешливо фыркнула женщина, бросив взгляд на старуху. — С легким сердцем говоришь! Не отведав чужой горькой полыни, не учи других своей улыбке. Ты, бабуля, всю жизнь прожила в роскоши и довольстве, до старости лет в здравии, понятное дело, и дух испустила с легкой душой. Хватит тут докучать мне своими нравоучениями!

Получив столь прямой и резкий отпор, старуха заметно помрачнела.

Однако, раз уж она приняла на себя образ мудрой и великодушной старухи, ей никак не пристало тут же скатываться до гневной свары. Пришлось проглотить обиду и продолжать

изображать добросердечную, снисходительную к грубиянам особу.

Злобно ответив старухе, женщина перевела взгляд на Цин Мянью, и ярость на ее лице немного улеглась.

При жизни она была владелицей крупной лавки по продаже парчи в землях Шу и больше всего на свете любила разглядывать молодых девушек.

Во Дворце Яньло Владыка Подземного Мира допрашивал каждого по отдельности, так что души ничего не знали о предыстории друг друга. А на Дороге Желтых Источников Цин Мянью и вовсе хранила упорное молчание.

Женщина-лавочница поневоле заинтересовалась этой девицей лет восемнадцати-девятнадцати: в ее прическе тоже поблескивали золотые цветы, а черты лица были весьма ладными. Вот только кожа казалась смуглой и грубой, и хотя во взгляде порой проскальзывала хищная искра, сама она держалась тихо, словно выслеживающий добычу леопард.

Интересно, чьих она будет?

То ли боевая служанка из богатого клана, приставленная охранять хозяйку, то ли разбойница с большака из лесных чаш? С чего бы ей умирать в столь юные годы — от болезни или по злой воле?

Лавочница уже собиралась расспросить Цин Мянью, как впереди в процессии внезапно началось какое-то движение.

— Должно быть, пожаловал Проводник Душ, — снова подала голос шедшая впереди пожилая матрона, высказывая догадку.

И действительно, вскоре из тумана выплыла темная фигура с фонарем.

Среди призрачных слуг Преисподней, помимо Быкоголового и Лошадиной морды, а также духов с рыбьими жабрами и барсучьими хвостами, встречались и те, что выглядели вполне по-человечески. Однако этот служка, представший перед ними, и вовсе заслуживал именоваться писанным красавцем.

Мало того, что он обладал весьма приятной внешностью, так еще и заговорил на редкость вежливо:

— Меня зовут Юнь Байли, я ваш Проводник Душ. Ну-ка, уважаемые дяди, тети, таланты и красавицы, давайте-ка передохнем. Тот Мост Найхэ впереди малость запружен, придется обождать.

С этими словами он прислонился к шесту фонаря и уселся на камень Преисподней у самого края Желтых Вод, с безмятежным и праздным видом глядя на кишачие и извивающиеся в Реке Най призрачные воплощения человеческих страстей.

Он напоминал юного гуляку, который весенним днем пришел полюбоваться садом и теперь разглядывает разноцветных карпов, плещущихся в пруду.

Среди шедших в процессии нашелся робкий и послушный призрачный скиталец, испивший за свою жизнь немало горьких чаш и до смерти жаждавший поскорее переродиться в благом обличье. Он выступил вперед и почтительно поклонился:

— Господин Юнь, у меня глаза плохие, только почему-то кажется, что к Мосту Найхэ, кроме нашего отряда, никто больше не направляется...

Юнь Байли обернулся и с улыбкой произвел:

— У тебя не глаза плохие, ты просто слеп. Эй, я вовсе не ругаю тебя, просто вам, смертным призракам, откуда знать? На Бескрайней Дороге Желтых Источников заблудших душ — видимо-невидимо. Раз я сказал, что впереди затор, значит, так оно и есть.

Вокруг на мгновение воцарилась тишина, после чего к нему подплыл призрак средних лет и почтительно произнес:

— Уважаемый, не намекаете ли вы, что нам следует проявить некоторую... щедрость?

Юнь Байли кивнул:

— Этот братец — призрак толковый. В конце концов, есть свои законы и на дорогах Цзянху: куда ни глянь, хоть на небеса, хоть под землю — везде одно и то же. Если почтенные соизволят собрать немного искренности, я пойду потолкую со старухой Мэн По, чтобы вы вовремя добрались до Моста Найхэ и Террасы Тоски по Родине и поскорей отправились на перерождение...

Сказано было предельно прямо — с них требовали плату за проход.

Истинно гласит пословица: легко найти подход к Яньвану, да трудно иметь дело с мелкими чертями.

Те из путников, у кого при себе не было ни гроша, с мольбой посмотрели на нескольких женщин разного возраста, украшенных золотом и яхонтами.

Мужчина-призрак повернулся к ним и мягко проговорил:

— Уважаемые госпожи, мы же не императоры какие-нибудь, чтобы уносить с собой полные гробницы золота и сокровищ. Все равно ведь ваши драгоценности с собой на перерождение не заберешь. Вместо того чтобы им гнить в гробу, не лучше ли обменять их сейчас на удобство в дороге, верно?

Богатая старуха оказалась на редкость решительной: она вытащила из волос желанную нефритовую шпильку, сняла с запястий золотые браслеты, извлекла из ушей жемчужные подвески и протянула все это Юнь Байли:

— Уповаю на вашу милость, господин служка.

Юнь Байли спрятал нефритовую шпильку за поясной подсумок из змеиной кожи, прикинул на руке вес золотых изделий, почмокал губами и сокрушенно протянул:

— Вещицы-то хорошие, да только больно легки. Сестрица Мэн По каких только невиданностей не повидала — от пары таких безделушек у нее и глаз не загорится.

Говоря это, он покосился на сияющую крупным сердцем из червонного золота заколку, красующуюся прямо над лбом духа той самой лавочницы из Шу.

У лавочницы и при жизни нрав был взрывной, а тут ее темные брови и вовсе взлетели в гнев:

— Какая я тебе сестрица, сукин ты сын! Устроился, чернокнижник проклятый, целым слугой в преисподнюю, так чуть завидел, как кто усердствует, сразу перенял повадки продажных чиновников из мира живых — лишь бы взятку содрать да пожить. Сдается мне, не на того напал, ублюдок!

Столкнувшись с потоком брани прямо в лицо, Юнь Байли ничуть не рассердился.

Он лишь лениво прищурил свои персиковые глаза, а голос его прозвучал мягко и неторопливо:

— Ах, и верно гласит народная мудрость в мире живых: три девятиглавые птицы не смогут склюнуть глаза единому сычуаньскому леопарду. До чего же грозная мне попалась сестрица из земель Шу, отчитала этого слугу так, что аж совестно стало. Придется мне здесь остаться, созерцать воды реки и каяться, а если мимо пройдет другой Проводник Душ, пускай он и доставит вас до конца этой Желтой Дороги.

Услышав это, души встревожили.

Выйдя из мрачного Дворца Шэнло, сопровождавший их Призрачный Служка строго-настрого наказывал вовремя добраться до Моста Найхэ и испытать Суп Мэн По.

Если же мешкать и слоняться без дела, упустив шанс снова родиться человеком, останется лишь одно — уступить и переродиться какой-нибудь тварью бессловесной.

Тут же нашелся горячий на руку молодой призрак, который набросился с упрёками на несдержанную лавочницу:

— Ах ты, глупая баба, лишенная житейской мудрости! Тебе-то языком почесать в радость, а нас из-за тебя в какое бедствие ввергла!

Лавочница даже не подумала уступить:

— Чего?! Это вы, бедняки, возомнили себя правыми? С какой стати я должна раскошелиться и покупать вам дорогу? Сама я вовсе не спешу на это перерождение! Не дает мне пройти к Мосту Найхэ — так я стану здесь лагерем и буду караулить до тех пор, пока те подлые сукин сын и шлюха, что сгубили меня, тоже не свалятся в Желтые Источники. Вот тогда-то я с ними разом по всем счетам и расквитаюсь!

Видя, как накаляется обстановка, злые духи, бушевавшие в волнах Желтых Вод, тоже повытягивали шеи, с любопытством наблюдая за перепалкой.

Цин Мянь больше не сомневалась. Она подошла к Юнь Байли:

— Поглядите-ка на это, уважаемый. Если добавить к тому же мои, хватит?

Юнь Байли принял несколько золотых цветов — на сей раз вещицы оказались на редкость увесистыми, каждая была отлита на совесть.

Тогда он облизнул губы, поднялся на ноги и произнес:

— Ну что ж, трогаемся, господа. Идем пить похлебку.

<http://bllate.org/book/21831/2261310>